

ВАСЯ

Вася — прапрапраправнук Василия.

У Василия был сын Василий, у того был сын Владимир, у Владимира родился сын Василий, затем Василий породил сына Владимира, а у Владимира родился сын Василий, или, как его сейчас называют, маленький Вася.

Вася родился совсем недавно. Когда ему хочется есть, Вася плачет, но недолго. Его нежно берут сильные руки, целуют в щёчку мягкие губы, а в ротик ему быстро попадает очень тёплый, упругий сосок маминой груди, которая величиной с его голову. Васины губки тут же плотно обхватывают светло-коричневый сосок, и он сразу же начинает всасывать вкусное молочко, оно наполняет рот и заставляет глотать его, чуть задерживая дыхание и почти захлёбываясь от нетерпения. Наевшись и отпустив изо рта сосок, Вася быстро засыпает, даже не почувствовав, что его снова поцеловала мама. Он по инерции во сне шевелит губами, как будто продолжает сосать, и непрерывно растёт.

Маленькому Васе всего восемнадцать дней от роду. Он ещё не знает, что в его свидетельстве о рождении, выданном загсом, записано, что он человек мужеского пола по имени Василий и по отчеству Владимирович. Он ещё не может понимать, что он полный тёзка Василия Владимировича, то есть своего деда. Ему ещё предстоит узнать, что его отца зовут Владимир Васильевич, тоже полного тёзку

своего деда — Владимира Васильевича, то есть его прадеда. Это неведение пройдёт, когда маленький Вася подрастёт и ему расскажут подробнее, чьего он роду-племени. Ему непременно расскажут, что его прапрадед Василий героически погиб на войне, которую называют Великой Отечественной. Что он был рядовым солдатом на той войне. Чтобы идти в атаку, навстречу летящим пулям, нужно быть очень храбрым человеком, каким и был прапрадед Василий Васильевич. Он стойко защищал от врагов свою страну, своего маленького сына Владимира и ещё его двух сестёр и брата.

Подросший Вася узнает, что прапрадед умер от тяжёлой свинцовой пули, как кинжал ударившей ему в живот, что потом, после того последнего боя, его прапрадеда Василия похоронили в братской могиле под городом Ленинградом и что этот город теперь называют Санкт-Петербург. И ещё Вася узнает, что братьями бывают не только по праву рождения, поэтому могила может быть братской.

Надеюсь, что Васе однажды прочитают стихотворение его деда Василия Владимировича или он сам прочтёт: *«Мой прадед, мой дед убит на войне, / В далёкой деревне под Ленинградом. / Много лет Девятого мая снится он мне: / Мы в атаке и, сражённые, падаем рядом»*. Возможно, это стихотворение маленький Вася продекламирует Девятого мая перед всеми, кто будет нести портреты своих дедов и прапрадедов в Бессмертном полку, немного изменив одно слово: *«...мой прапрадед убит на войне»*.

Придёт время, и маленькому Васе покажут фотографию, на которой его прадед Владимир Васильевич стоит с автоматом в руках как раз напротив Бранденбургских ворот, что в центре города Берлина, откуда пришла война, в которой был убит его тёзка — прапрадед Василий. Может быть, Вася спросит: «Я похож на прапрадедушку Васю?» Потом посмотрит на очень старую, уже порыжевшую фотографию, где прапрадед изображён в остроконечной шапке-будёновке, и решит, что, конечно, похож на него — немного.

Однажды маленького Васю, когда он уже научится говорить и будет бегать по улице, вернее, за оградой двора,

старая-старая бабушка, живущая по соседству, назовёт Кротиком, а он спросит отца или деда: «Почему бабушка меня так называет? Почему я кротик?» Ему скажут, что так называли его прапрапрапрадеда, тоже Василия, но не Кротиком, а Кротом — такое прозвище прилипло и осталось уже в шестом поколении, и что нет в этом прозвище ничего обидного. Крот — он запасливый или зажиточный зверёк с красивой бархатной шубкой. Маленький Вася примет это и запомнит своё второе, тайное имя-прозвище.

Я же пока рассуждаю: «Вот и своё тотемное животное есть, как у всякой приличной семьи туземцев».

Откуда я знаю свою родословную по фамильной линии? Всё очень просто: я её узнавал в основном на похоронах родственников! На свадьбе такого не узнаешь, это точно, особенно после трёх-четырёх «горько!». Но зато можно ожидать, что родословная подкрепитсЯ ещё одним родственником, возможно, ещё одним Василием или Владимиром.

Так вот, на таком скорбном событии, как похороны родственника (или родственницы), а точнее, уже на поминках, на которых, как всегда, всё чинно, плавно, трезво, все вспоминают покойного, каким он был, как жил, чем занимался. Вспомнят, на кого был похож — на своего ли отца, деда или прадеда. Вспомнят, кого и как звали, и прозвища непременно припомнят. Так потянется тонкая ниточка от родни жившей к родне живущей, накручивая клубок родовой памяти.

На одном таком нерадостном событии, в очень юном возрасте, точнее, отроческом, я узнал и накрепко запомнил, что моего прадеда Василия полным именем звали Василий Осипович. Далее, методом настойчивого опроса уже девяностолетней двоюродной бабушки, тётушки моего отца, выяснил, что отца прапрапрапрадеда Осипа, то есть моего прапрапрапрапрадеда, звали Георгий, а полностью имя звучало — Осип Георгиевич! Потом я уточнил, что Осип — это Иосиф, но на русский манер, и обозначает — «Бог приумножит». Вот и приумножил.

Дальше я не смог докопаться до имени отца прапрапрапрапрапрадеда Георгия, наткнувшись на базальтовую плиту незнания, но, заметьте, не беспамятства.

Маленький Вася должен будет семь раз произнести: «пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прадед Георгий» — и не запнуться, рассказывая степень прародства своих предков по фамилии.

Наверное, однажды, когда Вася вырастет, он задумается и начнёт искать, кто были мамины предки. Он непременно узнает, что их можно найти в далёкой Австрии. А вдруг, перебирая переплетения родственных уз, он наткнётся на фамилию Шикльгрубер? Кто знает...

Ну а пока известно, что все жившие Василии, Владимиры, Осип и Георгий, однофамильцы по мужской линии, подарили маленькому Васе частички своих славянских генов. Потом, когда Вася станет юным мужчиной, у него появится подружка, и тогда, по Божьей воле, они передадут это наследие дальше, возможно, новому Владимиру, или Василию, или Осипу, или Георгию.

Ну а пока Вася крепко спит и растёт.

ПОЭТУ

*Я знаю «поэзию, бабу капризную»:
Чуть что — фыркнет носом
И уйдёт, скрипя ногою протезною,
Оставит поэта со словесным поносом,
Расписанным почти на сто листов
А-четыре формата,
Тонких бумажных пластов.
Текст — не прочтёшь без мата.
Может, чай холодный пошвыркивая,
Погождать молодую музу,
Беременную, с животом-обузою?
Она на ушко скажет, пришепётывая:
«Я помню чудное мгновенье...»*